

Сай Юн

**КОЛДУН
НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ю49

Юн С.
Ю49 Колдун нового поколения / Сай Юн – М.: Литнет, 2026. – 210 с.

ISBN 978-5-521-99155-6

Хотел послать начальника? Пошли его. Хотел уволиться? Уволься. Хотел сбежать от проблем в командировку? Сбеги. Но будь готов, что судьба подкинет тебе командировку длиной в жизнь. В прямом смысле. Вчера я был Максимом, менеджером по продажам, которого подсиживал коллега Артур. Сегодня я — дед Макар, деревенский колдун из Гнилых Пеньков. У меня есть борода до пояса, один зуб, куча клиентов с порчей на огурцы и кот Глюк, который иногда разговаривает. Магия работает, но берёт плату бессонницей. Клиенты платят яйцами и самогоном. А местная ведьма Устинья считает, что я занял её хлебное место. И только внучка Варя, сбежавшая из города от своих проблем, готова стать моей помощницей. Говорят, у каждого есть второй шанс. Мне просто выдали его с пересадкой органов.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99155-6

© Литнет, 2026
© С. Юн, 2026

Добро пожаловать в Гнилые пеньки

Максим сидел в своем кресле и смотрел на монитор с одной-единственной мыслью: «Если я сейчас не убью Артура, то убью себя. Вопрос только в том, что хуже будет выглядеть в резюме».

Офис компании «Евростандарт-Сантехника» гудел как улей. Кто-то звонил клиентам, кто-то стучал по клавишам, а в углу переговорной, прямо за стеклянной стеной, происходило священнодействие. Начальник отдела продаж, Игорь Борисович (лысина, брюшко, взгляд человека, который вчера опять не выспался), стоял с чашкой кофе и довольно кивал. А напротив него, сияя как начищенный унитаз из их же каталога, развалился Артур.

Артур поправил узел галстука (галстук, естественно, был дороже, чем месячная зарплата Максима) и что-то вдохновенно вещал. До Максима долетали только обрывки, но этого хватало:

— ...я, конечно, сразу понял, что клиент хочет не просто трубы, а философию труб...Максим? Ну, вы же знаете Максима, он у нас больше по технической части, а тут нужно тонкое чутье...

Максим сжал мышку так, что она жалобно хрустнула.

Артур был его личным демоном. Не в переносном смысле – в самом прямом, бытовом, офисном. Они пришли в компанию почти одновременно, но Артур быстро смекнул: чтобы расти, не обязательно хорошо работать. Достаточно, чтобы начальник думал, что ты хорошо работаешь, а сосед работал плохо.

И Артур работал. С утра до ночи. Только работа эта была странная: он подливал кофе Игорю Борисовичу, поддакивал на планерках, делал круглые глаза и говорил «гениальная мысль!» на каждую идиотскую идею начальства, а в отчетах Максима всегда находил «случайные» ошибки, о которых тут же докладывал.

Последней каплей стал вчерашний тендер.

Максим три недели пахал как проклятый, чтобы подписать

контракт с крупным застройщиком. Готовил презентацию, ездил на объекты, убеждал, договаривался. А вчера застройщик позвонил и вежливо сказал: «Знаете, ваш коллега Артур предложил нам более индивидуальные условия. Мы подписываем с ним. Спасибо за консультацию».

Артур просто пришел на финальную встречу вместо Максима, сославшись, что у того «температура и он не сможет», и подписал контракт на себя. А Игорю Борисовичу доложил, что Максим «провалил переговоры, пришлось экстренно всё разгребать».

– Макс, хорош киснуть! – к столу подлетел Артур, сияя улыбкой на все тридцать два зуба. – Ну, сорвался тендер, бывает. Учись работать головой, а не задницей.

Он хлопнул Максима по плечу и пошел к кофемашине, напевая что-то веселое.

Максим молчал. Он представил, как встает, берет степлер и...

Вместо этого он открыл почту и увидел письмо от Игоря Борисовича: «Максим, зайти. И прихвати отчет по Нижнему Новгороду за прошлый квартал. Разберем твои показатели».

– Конец, – прошептал Максим.

Через час он вышел из кабинета начальника. Разговор был короткий. Ему дали командировку в Нижний Новгород: «Исправлять имидж, разбираться с поставками, а заодно подумать, нужен ли ты нам вообще. Артур, кстати, отлично справляется с твоими клиентами, пока тебя не будет».

Максим собрал вещи и вышел из офиса. На улице моросил дождь. Он поймал такси до вокзала, купил билет на ближайший поезд и зашел в вагон.

В купе было темно и пахло почему-то сеном и пылью. На нижней полке сидел старик с длинной седой бородой и пил чай из мутного стакана в подстаканнике. Чай был травяной, пахло мятой и еще чем-то сладковатым, тошным.

– Садись, парень, – скрипнул старик, не глядя на Максима. – Вижу, дорога у тебя дальняя.

Максим бросил сумку на верхнюю полку и буркнул:

– До Нижнего. Спасибо, я постою.

– Я не про Нижний, – старик поднял глаза. Глаза у него были мутные, белесые, почти слепые, но смотрели они прямо в душу. – Дорога у тебя, парень, в один конец.

– Чего? – Максим напрягся.

– Погадать? – старик кивнул на пустой стакан. – По руке могу. Или на картах. Вижу, беспокойно у тебя на сердце.

– Я в это не верю, – отрезал Максим. – И вообще, давайте без вот этого вот всего.

Старик усмехнулся, обнажив желтые зубы.

– Не веришь? А зря. Вера тут ни при чем. Оно есть, даже если ты закрываешь глаза.

Максим отвернулся к окну. За стеклом мелькали огни города. Старик допил чай, залез на свою полку и вскоре захрапел.

Максим долго не мог уснуть. Вспоминал Артура, его улыбку, отчеты, которые придется переделывать в Нижнем. Думал о том, что в Москве его никто не ждет. Квартира-студия в кредит, пара приятелей, которые зовут только когда нужно перевезти диван, и никакой личной жизни.

«Я никто, – подумал Максим. – Просто функция. Винтик».

Он закрыл глаза и провалился в сон.

Проснулся он от дикого грохота. Поезд дернулся, заскрежетал металл, Максима швырнуло с полки. В ушах стоял звон, в глазах темнота, а где-то рядом кричали люди.

Последнее, что он увидел перед тем, как потерять сознание – мутные белесые глаза старика, который смотрел на него сверху и шептал: «Ну, здравствуй, Максим. Давно ждал».

Сознание возвращалось кусками.

Сначала – звук. Где-то далеко, будто за стеной, скреблась мышь. Потом – запах. Пахло так, будто Максим заснул в аптеке, которую предварительно подожгли вместе с сеном и старой овчиной. Травы, пыль, плесень и что-то сладковато-гнилое, отчего подташнивало.

Потом – тело.

Максим попытался открыть глаза и понял, что веки словно налиты свинцом. Он попробовал пошевелить рукой – рука слушалась плохо, а когда он всё же поднял её к лицу, то увидел нечто, отчего сердце (старое, больное, ёкающее где-то в груди) пропустило удар.

Рука была не его.

Сухая, коричневая в пигментных пятнах, с узловатыми венами и длинными жёлтыми ногтями. Рука старика. Рука трупа, который почему-то всё ещё дышал.

Максим открыл глаза рывком.

Он лежал на продавленном диване с торчащими пружинами. Над головой нависал потолок с коричневыми разводами от протечек – карта неизвестной страны, куда его занесло. В углу висела икона, вся в пыли, а перед ней – засохший веник. За окном орал петух так, будто ему резали горло.

– Твою же... – прохрипел Максим и схватился за горло.

Голос был чужой. Скрипучий, старческий, с противной хрипотцой и присвистом. Таким голосом хорошо проклинать соседей или пугать детей, но не спрашивать «где я нахрен?».

Он встал. Тело слушалось как старая развалина – спина заныла, колени хрустнули с таким звуком, будто внутри перетирались кости, а в поясницу будто вставили раскалённый прут. Каждый шаг отдавался болью во всех суставах сразу.

Максим проковылял к мутному зеркалу в тяжёлой деревянной раме, висевшему на стене. Подошёл. Вдохнул. Посмотрел.

Из зеркала на него смотрел дед Макар.

Седая борода торчала клочьями в разные стороны, морщины были такие глубокие, что в них можно было спрятать запас спичек на зиму, нос картошкой, красный, с сосудистыми звёздочками, а изо рта торчал один-единственный жёлтый зуб. Глаза были мутными, почти белесыми – те самые глаза, что смотрели на него в поезде из-под седых бровей.

– А-а-а-а! – заорал Максим голосом скрипучей двери.

Зеркало жалобно звякнуло.

– Чего орёшь, чучело? – раздалось снизу.

Максим замер. Он медленно опустил глаза.

На полу, задрав голову, сидел кот. Рыжий, лохматый, с оторванным ухом и глазами разного цвета: один зелёный, другой жёлтый. Кот смотрел на него с выражением глубочайшего презрения, на которое способны только коты и старые учительницы.

– Ты... – Максим поперхнулся и закашлялся старческим кашлем. – Ты говорящий?

– А сам ты кто? – обиделся кот. – Я вообще-то спал. Между прочим, третью ночь подряд ты не ставишь защиту, по дому шастает всякая нечисть, мыши обнаглели совсем, а теперь ещё и орёшь как резаный. И, кстати, привет. Глюк.

– Глюк? – тупо переспросил Максим.

– Глюк. Я Глюк. Ты Макар. Только ты не Макар, – кот прищурил разноцветные глаза и обошёл Максима по кругу, задрав хвост трубой. – Слушай, а ты кто вообще? Пахнешь не так. Макар пах травами, старостью и самоварной гарью. А ты пахнешь офисом, дешёвым кофе и отчаянием. И двигаешься как-то криво. Макар ходил плавно, как старая крыса, а ты ломишься как медведь по малиннику.

Максим сел на диван. Диван жалобно скрипнул и чуть не рухнул, но каким-то чудом устоял.

– Я Максим, – выдохнул он. – Тридцать пять лет. Менеджер по продажам. Был в поезде... ехал в Нижний... старик этот... авария... – он замолчал, пытаясь собраться с мыслями, которые разбегались как тараканы. – Я в теле вашего Макара?

– О, – кот зевнул, показав острые клыки. – Кажись, Макар всё-таки допрыгался. Он последнее время всё бормотал про какой-то ритуал, хотел тело помоложе. Видать, сработало. Только ты тут, а он, стало быть, там.

– Где там? – с ужасом спросил Максим.

– А хрен его знает. Может, в твоём старом теле. Если оно вообще выжило после аварии, – кот лизнул лапу и начал намыывать морду. – Ты завтракать будешь? Макар всегда мне сметану давал по утрам.

– Какую сметану?! – взвизгнул Максим старческим фальцетом. – Я в теле старика, в чужой избе, в чужой деревне, я не знаю, где я, что случилось с моим телом, как мне жить дальше, а ты про сметану?!

– Ну, прости, что не соперечаю, – фыркнул Глюк. – Я тут вообще-то кот. Мои проблемы ограничиваются миской, сном и отсутствием мышей. Кстати, мыши здесь не простые, а заговорённые. Их Макар сам приваживал, чтобы было на ком силу пробовать. Так что если сожрут припасы – ты без хлеба останешься. А у тебя, кстати, первая проблема уже на подходе.

– Какая ещё проблема?

За окном раздался тяжёлый топот, и в дверь заколотили так, что затряслись стены, а с потолка посыпалась труха.

– Макар! Твою дивизию! – заорал бас, от которого у Максима заложило уши. – Открывай давай, старая перенница! К тебе бабка с утра пришла, корову портить! Выходи, колдун хренов, работа стоит! Я не нанимался тут под дверями мёрзнуть!

Максим замер. Кот Глюк довольно потянулся, выпустил когти и сказал:

– Добро пожаловать в деревню, Максим. Это дед Михей, сосед. Он просто так не отстанет. Если не откроешь – дверь вынесет. Он умеет. Давай, вставай. Чудеса сами себя не делают.

Максим посмотрел на свои старческие руки с вздутыми венами, на кота с разными глазами, на дверь, в которую ломился Михей, и тихо спросил:

– Это сон? Скажи, что это сон. Я сейчас проснусь в своей однушке, позвоню Артуру, пошлю его на хрен, уволюсь к чёртовой матери и...

– ...и ничего не изменится, – перебил Глюк. – Если и сон, то с очень реальными последствиями. И да, сметану всё равно принеси. Вон в погребе стоит, в крынке.

Максим вздохнул, кряхтя поднялся и пошёл открывать дверь в новую жизнь.

Дверь распахнулась, и на пороге возник дед Михей.

Это был мужик лет семидесяти, но таких семидесяти, которые дадут фору любому тридцатилетнему. Косая сажень в плечах, кулаки как кувалды, лицо красное от мороза (или от самогона, или от того и другого сразу), а из-под шапки-ушанки торчала седая щетина. От него пахло махоркой, землёй и чем-то ещё, очень знакомым – перегаром.

– Макар, ты чо, оглох? – рявкнул Михей, входя в избу без приглашения и оставляя на полу грязные следы. – Я стучусь как десантник, а он дрыхнет! Совесть есть?

– Я... – начал Максим, но Михей не дал и слова вставить.

– Чего ты? Бабка Зина с шестого дома уже полчаса под дверью мёрзнет! У неё, видишь ли, корова испортилась! Молоко киснет, скотина мычит как резаная, и все на тебя кивают! Ты ж наш колдун, ёлы-палы! Давай, шевели поршнями!

– Я... – снова попытался вклиниться Максим.

– И не вздумай отмазываться, что устал или болеешь! – Михей ткнул пальцем в его сторону. – Ты в прошлый раз, когда у меня самогон прокис, обещал, что по первому зову прибежишь! А сам вон как выглядишь – будто неделю не жрамши! Давай, одевайся, я бабку пока позову, чтоб не мёрзла.

Михей вышел, оставив дверь открытой. В избу ворвался морозный воздух с запахом дыма и навоза – деревенская романтика во всей красе.

– Ну что, Максим, – раздался голос Глюка с печки. – Поздравляю. Твой первый рабочий день начался. Советую надеть что-нибудь тёплое. И, кстати, валенки вон там стоят. Макаровы. Не наступи в них в говно, тут за порогом куры ходят.

Максим заметался по избе. Он нашел валенки (огромные, разношенные), натянул поверх какой-то засаленной фуфайки тулуп,

который пах так, будто в нём ночевали все собаки деревни, и вышел на крыльцо.

На крыльце стояла бабка Зина.

Маленькая, сухонькая, в платке, из-под которого торчали седые волосы, она смотрела на Максима с такой надеждой, будто он был не местным алкашом-колдуном, а светилом медицины.

– Макар, родимый, – запричитала она. – Выручай! Зорька моя совсем скисла! Молоко через раз, сама ревёт, не ест ничего! Сглазили её, точно сглазили! Соседка, Петровна, всё косо смотрит, а у неё глаз дурной, ох дурной!

Максим стоял и хлопал глазами. Старческими, белесыми, которые ничего не видели, но почему-то всё замечали.

– Я... понимаете... – начал он. – Может, ветеринара?

– Какого ветеринара?! – возмутилась бабка Зина. – В районе сорок километров, а у нас тут свой специалист! Ты ж, Макар, любую порчу снимаешь! Давай, родной, я заплачу! – она зашелестела мятыми купюрами.

Максим посмотрел на деньги. Потом на избу, в которой ему теперь жить. Потом вспомнил, что в кармане его старой куртки (той, что осталась в поезде) лежала кредитка с минусовым балансом и уведомление от банка о просрочке.

– Ведите, – обречённо сказал он.

Коровник у бабки Зины был старый, но крепкий. Пахло сеном, навозом и кислым молоком – действительно кислым, это чувствовалось даже через запах навоза.

Зорька стояла в стойле и мычала так жалобно, что у Максима защемило сердце. Корова смотрела на него большими влажными глазами, в которых читалась такая тоска, будто она точно знала, что её сглазили.

– Ну и что делать? – шепнул Максим куда-то в пространство.

– А ты у неё спроси, – раздался голос откуда-то сверху.

Максим поднял голову. На балке сидел Глюк. Каким образом кот увязался за ними и как залез в коровник – оставалось загадкой.